

Поэт и время О книге Феликса Рахлина

Недавно журналистская судьба свела меня (пока только на просторах Интернета) с интереснейшим человеком — педагогом, журналистом, поэтом, публицистом, писателем Феликсом Рахлиным. Когда-то харьковчанин, он с 1990 живет в Израиле. Автор двух книг стихов ("Остаюсь человеком", 2000, и "Свобода Слова", 2002) и двух мемуарных книг. Сын преданных коммунистической идее родителей, получивших в благодарность звание "врагов народа", тюрьмы и ссылки, Феликс на материалах дневников и набросков отца написал книгу "Рукопись". У этой книги два автора, Давид и Феликс Рахлины, и сын пытается "ответить за отца" на жгучие вопросы жизни. Вторая мемуарная книга, "О Борисе Чичибабине и его времени", — это не просто воспоминания, это часть прожитой в очень тесном общении жизни, потому свидетельство такого человека (причем удивительно объективного и глубокого) особенно ценно.

Узнав, что я собираюсь в командировку в Одессу, Феликс написал мне: "Одесса в жизни Чичибабина также заняла важное и достойное ее место. Стихотворение "Ода" (у названия был в быту существенный "хвостик": "...женским коленям") имело прелестный адресат, который жив и давно в Америке), а о своей встрече с автором написал мой здешний рецензент, очень интересный человек, бывший одессит Макс Фарберович — эта рецензия, появившаяся сначала в Интернете, а уж после — в журнале "22", нас заочно познакомила — и она же стала последней работой Макса: едва ее напечатали — и он умер... Поскольку Вы отправляетесь в Одессу, я Вам ее прицепляю к этому письму. Там чуть ли не половина текста — вовсе не о моей книге, а о Чичибабине в Одессе, что мне очень понравилось. О самом Максе есть очень интересные (опубликованные, кажется, в "Знамени") записки известного московского режиссера Михаила Левитина, написанные еще при жизни этого талантливого поэта (они в Одессе, кажется, учились вместе и были друзьями)".

Думаю, эта статья Макса Фарберовича будет небезыntenесна одесскому читателю.

Татьяна АБРАМОВА

Феликс Рахлин, автор книги "О Борисе Чичибабине и его времени (строчки из жизни)" — известный литератор и журналист, харьковчанин, живущий ныне в Афуле. Его книга — заметки "о времени и о себе", или "сценки из литературной и окололитературной жизни Харькова" с послевоенных лет до перестройки. И на этом широком фоне — портрет поэта и человека Бориса Чичибабина.

Основная линия повествования — любовь сестры рассказчика Марлены Рахлиной и Чичибабина. Это своеобразная советская "лав стори" — любовь-дружба двух поэтических дарований, пронесенная через все "преlestи" советского быта до самой смерти. Их любовь показана и на бытовом, и на духовном уровне как столкновение двух личностей, высекающее искры поэзии. Много стихотворных посвящений друг другу, историй создания стихотворений, интересных житейских подробностей их романа и многолетней дружбы.

Биография самого Чичибабина дана достаточно бегло — здесь автор обращает внимание на те моменты, которые освещены в литературе неполно: детские годы, история "посадки" поэта и выхода в свет его первых четырех поэтических книг, личная жизнь и бытовая неустроенность. Очень хорош анализ наиболее знаменитых "тюремных" стихов поэта, много вариантов других известных стихов, истории их создания и редактирования.

Дана в книге и широкая панорама литературной жизни послевоенного Харькова, и персоналии — друзья поэта и Марлены Рахлиной, друзья семьи и яркие лица тех лет: актер и певец Леонид Пугачев, физик Марк Азбель, враль и прохиндей Александр Басюк. Поэты, журналисты, ученые, учителя и просто собутыльники. Компании, сборы, посиделки, споры-разговоры тех лет — очень живые, насыщенные фактографией и чертами быта реалии. Саркастические портреты номенклатурных чиновников, сыгравших роковую роль в судьбе поэта и семьи Рахлиных. Автор тонко подмечает различия между тремя поколениями советских интеллигентов — 50-х, 60-х и 70-х годов. Читая книгу, я был поражен сходством с литературной жизнью Одессы тех же лет, которую мне пришлось наблюдать в молодости.

Хрущевская "оттепель" породила совершенно уникальное в истории культуры явление — советский "поэтический бум" 60-х годов. "Золотое десятилетие" этого феномена можно отнести к 1958-1968 годам. Критики тех лет называли это "эстрадной поэзией", а в числе лидеров обычно фигурировали Е. Евтушенко, А. Вознесенский, Б. Ахмадулина. Но первоначальная тройка лидеров выглядела иначе: Р. Рождественский, В. Соколов, Е. Евтушенко. Начало широкого интереса к поэзии положила всесоюзная дискуссия по поэме Р. Рождественского "Моя любовь". После чего можно было смело констатировать, что "поэт в России больше, чем поэт" (Е. Евтушенко). Когда в 1958 году в Ярославле вышла первая тоненькая книжка стихов А. Вознесенского, советская молодежь на целое десятилетие прямо-таки заболела поэзией.

На волне "поэтического бума" в СССР начали появляться магазины "Поэзия", которые быстро стали большим, чем просто книжные магазины. Здесь пальму первенства, несомненно, делят Харьков и Одесса. Вот что пишет В. Орлов в журнале "Вестник": "На волне всеобщего увлечения поэзией в Харькове по инициативе поэта В. Котлярова открылся в середине 60-х годов первый в СССР книжный магазин "Поэзия". Здесь читал свои стихи Евтушенко. Этот магазин прославил и Э. Лимонов, который в романе "Маленький негодяй" описал историю своей любви к продавщице магазина Анне Вайнштейн".

А вот что пишет Матвей Гейзер в журнале "Лехаим" ("Размышления о жизни и творчестве С. Липкина"): "Это было в Одессе в 1967 году в магазине "Поэзия". Одесситы уверяли, что то был единственный поэтический магазин в тогдашнем СССР. В этом маленьком магазине на Греческой площади любители поэзии читали стихи — свои и чужие". Конечно, одесский магазин не был единственным. Но первым, наверное, действительно был. Уже в 1960 году, будучи студентом первого курса Одесского мукомольного института, я был завсегдатаем этого магазина.

Магазинчик "Поэзия" был мал по площади, внутренний вид его в точности соответствовал харьковскому, изображенному в книге Ф. Рахлина. Но роль его в интеллектуальной жизни Одессы была огромна. Здесь была точка притяжения тогдашней продвинутой молодежи, своеобразный клуб "шестидесятников" — фанатов поэзии. Здесь знакомились, влюблялись, читали стихи и обсуждали литературные новости. И причина такой популярности была не только в самом воздухе времени, но и в личности завмагазином. Это был Владимир Васильевич Курбатов, примечательная личность тех лет. Сам поэт ("незнаменитый", как он честно отметил в своем стихотворении), член СП и автор нескольких сборников стихов, в годы войны он был корреспондентом газеты "Красная звезда", хорошо знал многих фигурантов советской литературной элиты. Человек простой и доброжелательный, он прекрасно разбирался в поэзии и в людях и относился к нам, пацанам, почти отечески. Всех своих постоянных посетителей знал отлично, помнил их вкусы и пристрастия, оставлял нам всякие новинки. Торговцем, с советской точки зрения, он был никаким — дефицит не прятал и никакого навару не имел. Меня называл "профессором" — за интерес к античности и русской поэзии XVIII века. Однажды он заметил, что я подряд купил три тоненькие книжицы никому тогда не известных авторов — Н. Коржавина, В. Шаламова и Б. Чичибабина. Это был первый сборник Чичибабина "Молодость", об истории выхода в свет которого подробно рассказано в книге

Ф. Рахлина. "А ты знаешь, чьи книги ты купил?" — спросил меня Курбатов. И он рассказал мне, кто такой Эмка Мандель, почему ничего не известно о Шаламове. "Ну, а с Чичибабиным я тебя вскоре познакомлю".

Одесса в те годы была таким Лазурным берегом советского народа. "Наш маленький Париж". Летом сюда стекался весь цвет литературного и художественного мира СССР. Много солнца, много дешевого вина, много красивых женщин. У Курбатова на Греческой выступали и тогдашние кумиры, и никому неизвестные авторы. На двери магазина вывешивался простой листок с написанным от руки объявлением о встрече. Особо отличаемых фанатов Курбатов приглашал персонально. И вот в один из летних вечеров в магазине собралось человек 10-12 любителей послушать харьковского поэта Чичибабина.

Чичибабин оказался скромно одетым сутуловатым человеком, внешне похожим на обычного советского служащего, каким он и был по жизни. Стихи читал глуховатым голосом, но внятно и хорошо. Ясный богатый русский стих, отличные свежие рифмы. Однако большого успеха у слушателей он не имел — такая поэзия тогда была явно "не в формате". То было время задиристых звонких стихов, эпатажа и легкой фронды.

После встречи Курбатов пригласил меня в подсобку и представил поэту. "Вот, Борис, и у тебя есть поклонник в Одессе. Парень прочитал твои стихи, и ему понравилось". Чичибабин спросил, какие именно стихи мне нравятся, и я сразу прочел "Гомера":

Родина вся, как нищая,
Мучилась и говела,
Только и было нынче ей
Дела, что до Гомера.

Упомянул и другие вещи, например, "Толстой": "Дон Кихот в мужицкой робе...". Чичибабин был растроган и на захваченном мной из дому сборнике "Молодость" написал: "Максу — с благодарностью за любовь". Видно было, что он не избалован признанием.

Засиделись за полночь вдвоем за бутылкой крепляка "Билэ мицнэ" (в народе — "биомицин"). Тогда я услышал из уст Чичибабина совсем другие стихи — "Красные помидоры", "Махорку". Возвращался домой поздно через родную Соборку (Соборную площадь) и повторял:

Лестницы. Коридоры.
Хитрые письма.
Красные помидоры
Кушайте без меня.

Сборник Чичибабина с автографом я хранил почти 40 лет. Покидая Одессу в 1997 году, я оставил этот дорогой для меня экземпляр своему старому другу, одессоведу Александру Розенбойму, с просьбой передать его в Одесский литературный музей.

И наконец, отдельные разделы посвящены весьма специфическим темам. Во-первых, это заметки об отношении поэта к крепким напиткам. Подана эта тема весьма деликатно, на чисто бытовом уровне. А между тем это — одна из самых запретных тем советского бытия. Запретнее был только секс. Совместное распитие спиртного в советском социуме носило настолько ритуальный характер, что поэма о поездке алкаша в электричке стала национальным эпосом.

Во-вторых, это тема отношения поэта к евреям и еврейству. Истинно русский человек, Чичибабин в своих стихах следовал общей традиции русской интеллигенции, среди которой юдофобом быть было просто неприлично. А вот юдофильство — исконно русская традиция, достаточно вспомнить таких выдающихся людей, как Вл. Соловьев, В. Короленко, М. Горький. Чичибабин в своих стихах решает эту задачу глубоко и не конъюнктурно. Да и по жизни он всегда был связан с еврейской средой. А интеллигентская среда Харькова, как видно из книги, почти сплошь была еврейской. Здесь, правда, есть нюанс. В силу ряда обстоятельств советская интеллигенция научно-технического профиля к 70-м годам стала почти сплошь еврейской ("физики"), а в советском сознании прочно укрепилась мифологема: "быть интеллигентом" и значило, в конечном счете, "быть евреем".

В последних главах книги описывается эпоха перестройки и постперестроечное время вплоть до смерти поэта в 1994 г. Этот материал подан несколько скомканно и бегло. И это понятно — воспоминания еще свежи, надо дать отстой "пене". Точно отмечено, что трещины пролегли между лучшими друзьями, что Чичибабин неоднозначно воспринял многие вещи этого периода и не запятнал себя суетливой политизированностью, как некоторые другие известные поэты. Он ушел, как и жил, — "чужим".

Книга Феликса Рахлина о Борисе Чичибабине, большом друге Израиля и еврейства, избежит, можно надеяться, печальной участи, постигающей большинство книг, издаваемых русскоязычными израильянами, — она выпущена большим по нынешним временам тиражом (1000 экз.) и — в Харькове, где об увековечении имени Чичибабина пока еще заботятся.